

«Духа
НЕ УГАШАЙТЕ...»

Иван РОГОЩЕНКОВ

г. Петрозаводск

*«Не насытились горячей доли,
Снова на распутьи стоим».*

Иеромонах Роман

Живая творческая мысль не даёт покоя, влечёт к открытиям... всегда ли? Исследования, споры о том, кто действительно автор «великого», «гениального» романа «Тихий Дон»¹, заслонили главное: сущность знаменитого произведения. Посмотрим на явление прямо, отвлечёмся от многообразных оценок. Это возможно и нужно: роман как бы отделился от создателя и живёт своей жизнью в трудах исследователей, в мнениях читателей.

В чём гениальность «Тихого Дона» и его автора (кто бы он ни был)? Русская религиозная философия утверждает: гений выше таланта, потому что он, кроме художественных достоинств, обладает истиной, любовью, свободой во Христе (Борис Вышеславцев). В нашем случае такое определение слишком возвышенно. Надо опуститься на грешную землю. Обнаружим общее убеждение: Пушкин – гениальный поэт (во всяком случае, недавно так было). Найдём книгу Семёна Франка «Этюды о Пушкине». Многие считают автора этюдов крупнейшим русским философом и религиозным мыслителем. Семён Франк заключает своё исследование так: Пушкин обладает «великим духовным миром», «скрытой духовной глубиной». Далее: «Тишина, гармоничность, неиссякаемая сладость и религиозная просветлённость скрытого, глубинного слоя духа Пушкина дают ему, с одной стороны, в силу контраста, возможность особенно отчётливо и напряженно сознать и трагизм, и суету, и ничтожество человеческой жизни. С другой стороны, окрашивается светлым колоритом само это трагическое сознание. Именно в силу религиозного характера этого глубинного духовного слоя, т.е. сознания его онтологической значительности, Пушкин воспринимает религиозную значительность, святость всяческого творения, всех явлений мира». «Пушкинский трагизм есть... скорбная резиньяция – печаль, смягчённая примирением. Это не есть, конечно, ещё подлинное христианское смирение, но это есть человеческая ступень к нему».²

¹ Лев Аннинский. Кто такой Михаил Шолохов? «Север», 2013, № 9-10.

² С.Л. Франк. Этюды о Пушкине. Москва, «Согласие», 1999, с. 167, 170.

Ничего подобного нет у Шолохова. Роман начинается с высокой поэзии действительной жизни (Борис Пастернак). Всё последующее – междоусобица гражданской войны, жестокая кровавая драма. Автор как бы «парит» над схваткой красных и белых. Можно усмотреть сочувствие к страданиям тех и других и даже осуждение жестокостей. Но во имя чего?

Невольно думаешь: создатель романа знает причины совершающегося, предвидит, в какое гармоничное единство выльются бедствия народных. Ничуть не бывало. Завершается эпопея крахом белого движения и полной неясностью о будущем красного. В «Поднятой целине» Шолохов становится в ряды одной из двух борющихся сил, перспектива авторского взгляда сузилась, великого романа не получилось. Видим опять разложение белого движения, но и романтик революции и гражданской войны Макар Нагульнов одинок в новой жизни. Неужели кровавая драма разрешается «гармонично» в коллективизации? Что это? И Шолохову диктовал Воланд, как мастеру Михаила Булгакова? Исследователи назвали гениальностью «Тихий Дон» не по праву?

Шолохову чужды духовные страдания русской эмиграции, поиски путей возрождения России. Иван Бунин ответил К. Симонову, уговаривающему вернуться на родину: России больше нет, возвращаться некуда и незачем. Иван Шмелев перед революцией сочувствовал писателям-реалистам, группировавшимся вокруг Горького. В эмиграции его память воспроизводила только былое: Святую Русь в неприязнительном быту старой русской жизни. Философ Иван Ильин жадно ловил сведения о духовной жизни в Советском Союзе, искал реальные пути возрождения России. Протоиерей Александр Ельчанинов писал: «И мне хочется сказать нашей молодёжи: вы молоды, у вас крылья молодости, вы сумеете совершить этот подвиг – остаться православными и русскими. Вы – православные, все сокровища Церкви к вашим услугам: её молитвы, Таинства, – знакомьтесь с этим сокровищем, изучайте его, всё культурное наследие, весь гений величайшей нации – это ваше добро, даром вам доставшееся. Ваша обязанность изучать это наследие, культивировать его в себе, принимать участие в общем русском деле». ³ Подобные заботы и надежды не для автора «Тихого Дона», кто бы он ни был.

Борис Пастернак в романе «Доктор Живаго» ведёт своего героя через революцию, мировую и гражданскую войны, но описаний сражений – нет. На первом плане скорее быт происходящего. Зато найдём осмысление эпохи. Внимание к бы-

ту заложено в основах мировоззрения автора и героя. В Евангелии, считают они, Иисус Христос учение о Царстве Божьем, самую суть учения объясняет самыми простыми, бытовыми событиями того времени. Это возможно, если бытовые события внутренне значимы, несут в себе глубокую тайну бытия. Подобным образом противоречиво искусство, его исток – Откровение Иоанна Богослова: повествование о смерти творит жизнь, смерть, разрушающая жизнь, выявляет её истинную ценность.

По Борису Пастернаку, человек наделён сознанием и талантом, первое более внешнее – рациональное – качество, второй исходит из самых таинственных глубин живой жизни. Так, роман начинается со смерти матери героя, затем герой (доктор) открывает в себе материнскую наследственную болезнь, грозящую ему ранней смертью. Сознание могло бы отравить ему жизнь, талант дарует ему силы проявить свои возможности, желания, полностью раскрыть себя.

Отсюда понятно отношение к революции. Поклонники поэзии Блока приняли Февральскую революцию, их жизненный опыт подсказывал: в обществе необходимы перемены для духовного развития и обогащения личности, однако плоды перемен должны сказаться в настоящем, а не в отдаленном будущем. Революционеры-практики находились в плену отвлеченных от действительности теорий, суливших результаты преобразований в светлом, неведомо когда и как построенном обществе. Можно ли жить человеку в настоящем полной жизнью? Классовая борьба, гражданская война исключают гармонию и полноту, нацеливают только на истребление противников революции, на разжигание ненависти, низменных страстей, уводящих от Бога к дьяволу.

Протоиерей Александр Ельчанинов: «Божье любить ненавидящих. Дьявольское – ненавидеть, оскорблять любящих. Человеческое – любить любящих, ненавидеть ненавидящих. Но – будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф. 5, 48)». ⁴ Да, человеческое очень неустойчиво само по себе, того и гляди – скатится к дьявольскому без благодатной помощи Свыше.

Так случилось с другим героем Бориса Пастернака. Антипов всего себя отдавал революции, гражданской войне и ужаснулся: что он создавал в настоящем для будущего, всё это оказалось не-

³ Протоиерей Александр Ельчанинов. Православие для многих. Москва. «Дар», 2013, с. 276.

⁴ Протоиерей Александр Ельчанинов. Православие для многих. Москва. «Дар», 2013, с. 130-131.

совместимым с мало-мальски нормальной жизнью в настоящем. И застрелился, увидев разверзшуюся перед ним бездну зла, дьявольскую бездну.

Юрий Живаго устранился по возможности от деятельного участия в революции, гражданской войне. Наступил мир, он в социальной иерархии общества искал себе место не вверху, а ближе к основанию реального бытия, где идеология сходила на нет и открывалась хоть какая-то возможность для полноты живой жизни.

Так обозначена и осмыслена судьба героя в романе. Эта сторона воспринимается читательским сознанием по преимуществу. То, что выше и глубже сознания, душевно-духовная суть героя – талант, раскрывается в стихах Юрия Живаго, существенно восполняющих прозу. Без стихов роман оказался бы неполон.

Главный герой романа Бориса Пастернака выстраивает мировоззрение, исходя из Евангелия. Обратимся и мы к вечной Книге. Иисус Христос пришёл на землю спасти людей – от чего? «Той бо (Христос) спасет люди своя от грех их» (Мф. 1,21). «Люди своя» – то есть верующих в Него. Спасёт от грехов их. Не освободит от римского владычества, не станет царём израильским, наоборот, умрёт, по языческим понятиям, позорной смертью на кресте. Не избавит бедных от угнетения богатыми, не защитит подвластных от угнетения властвующими, не обещает власти бедных над богатыми. Иисус Христос пришёл освободить человека от греха, освобождение – процесс двуединный: Бог принёс свободу, человек должен принять её свободно. Пока это не произошло, весь мир во грехе: бедные и богатые, властители и подвластные – все в рабстве греху, а рабство греху разрушительнее для души, чем рабство социальное. Потому невозможно Царство Божие на земле – только на Небе, куда призваны все, избавившиеся от грехов крестным подвигом Иисуса Христа, добровольно пронесшие Его крест всю жизнь.

Евангельское слово становится камнем преткновения для многих: жестоко слово сие. И отступают от Богочеловеческого понимания истории к человекобожескому, к земному мудрованию, к революциям и глобализациям, демократиям.

Михаил Булгаков верен евангельскому суду над миром, лежащим во зле. В современной ему советской действительности прозревает присутствие тёмных сил («Дьяволиада»). По советской России путешествует... Чичиков и находит весь набор гоголевских «мёртвых душ» («Похождения Чичикова»). Что такое гражданская война? Пол-

чища «аггелов» идут из царства антихриста, за ними – «лик сатаны», Троцкий («Белая гвардия»). Роман «Мастер и Маргарита» повествует о последствиях похода «аггелов». В побеждённую Москву прибывает Воланд, чтобы на месте увидеть, что натворили его посланцы. Всё сотворённое ими оказалось, по народным поговоркам, ни к селу, ни к городу, ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Не веря в Бога, они отрицали бытие самого сатаны – Воланда, не признавали никаких высших сил над земным человечеством. Признавалась только материя, почему-то в людях ставшая разумной, хотя тут попахивало чудом, недопустимым в материализме, но «аггелы» пренебрегали логикой. Во время войны руководствовались только рассудком, низшей формой разума, да низменными страстями, так и мирную жизнь собирались создавать с тем же душевным багажом.

Берлиоз втолковывает простодушному, неразвитому Ивану Поньреву своё представление о будущем обществе как о механизме: душевная жизнь – венец физиологии, сознание – совокупность общественных отношений, быт освобождается от таинственной занимательности. Поньрев инстинктивно чувствует чужеродность учения Берлиоза живой человеческой душе, отвергает учение, остаётся со своим стихийным брожением в сознании. Не мог принять современной ему действительности и современного ему массового сознания – всё равно, признающего или отрицающего социализм, – образованный и даровитый мастер. Бедность идеала эпохи его отталкивала. Незаурядность, таинственная сложность Воланда мучительно притягивала. Ничего удивительного: многие читатели и исследователи романа видели в Воланде наказателя зла и покровителя добра.

Загадочность образа Воланда поможет понять запись в дневнике протоиерея Александра Ельчанинова – размышление о дьявольских искушениях, отвергнутых Господом. Кратко это место Евангелия (Мф. 1-11): если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни стали хлебами; если Ты Сын Божий, бросься вниз с крыла храма, ибо написано: не преткнёшься о камень ногою; показал Ему царства мира и славу их, – всё это дам Тебе, если поклонисьшь мне. Отец Александр пишет: «Если человек отдался злым настроением, то он в своей душе отверз входы демонским силам. Общее во всех искушениях дьявола (хлеб, чудо, власть – плоти, души, духа) – они тонки, не грубы: нет искушений обычными человеческими соблазнами, нет речи о явном грубом грехе. Но все три отрицают свободу, т.е. веру и любовь к исти-

не. Грехи чувственности, тщеславия и властолюбия задевались лишь косвенно. Повторение этих грехов в истории – социализм, оккультизм и этатизм (государственность)». ⁵ Вот объяснения загадочной привлекательности Воланда (дьявола) в романе.

Божий промысел человеческую историю приведёт к победе Добра над злом, хотя земной путь к победе тяжёл: на каждом шагу – соблазны и искушения, отнимающие свободу во Христе, приводящие к трагическим заблуждениям. Об этом стихи Хомякова («Суд Божий»):

*Глас Божий: «Собирайтесь на праведный суд,
Собирайтесь к Востоку, народы!»
И слепо свершая назначенный труд,
Народы земными путями текут,
Спешат через бурные воды.*

*.....
Народы собрались из дальних сторон,
Волнуются берег и море.
Безумной борьбою весь мир потрясён,
И стон над землею, и на море стон,
И плач, и кровавое горе.*

*Твой суд совершится в огне и крови,
Свершат его слепо народы...
О Боже, прости их и всех призови!
Исполни их веры и братской любви,
Согрей их дыханьем свободы!⁶*

В мире есть только две свободы: свобода во Христе и свобода (воля) от дьявола. Какую свободу выбрал мастер? Именно герой, ибо он не выражает мировоззрение Булгакова. Эпиграф из Гёте («... так кто ты наконец? – Я часть той силы, что хочет вечно зла и вечно совершает благо») нельзя относить ко всему роману «Мастер и Маргарита», а только к роману мастера о Пилате («евангелие» от дьявола). Одно дело вольно или невольно жить во грехе, другое – в свете Евангелия смиренно («не судите, да не судимы будете») печалиться о своих и чужих грехах.

Мастер по причинам личным и общественным лишился веры в Бога. Видя торжество зла и безуспешность человеческого разума, человеческой воли создать достойную жизнь, он, в безнадежном положении, свои упования направил к тёмным силам. Эти силы олицетворял в романе Воланд. Его искушения и соблазны «тонки, не грубы», «нет речи о явном, грубом грехе», отменялись докучные запреты в творчестве. Мастер открыл душу дьяволу, написал «евангелие» от сатаны, внушённое Воландом. Отпавший от Бога,

отвергнутый Господом первый ангел денница не может назвать Иисуса Христа – Иисусом Христом, а дух и смысл Евангелия для него существенно исказились. Ложь сатанинскую воспринял мастер да ещё от себя (писательским даром он наделён) живописно расцвел детективную историю походов Иуды. Человек без имени – это только чья-то тень. Мастер – тень и выразитель задуманного Воландом. Чтобы герой романа не выглядел отвлечённой схемой, автор наделил его некоторыми своими биографическими приметам, не более. Маргарита – живая, деятельная натура, увядавшая в бесцветной жизни, в любви к страдающему человеку – мастеру, нашла себя и преобразилась в ведьму. Отмечу любопытную и неожиданную переключку этого булгаковского образа с образом Лары в романе Бориса Пастернака. Лариса на похоронах Юрия Живаго сознаёт себя во власти дьявольской силы. Один из близких ей, говорит она, убил себя, другой умер, остался самый противный – Комаровский. Последний с сатанинской ловкостью устраивается при любой государственно-политической системе, его власть обволакивает Лару.

У Василия Шукшина сущность свободы, несменяемой нравственными запретами, раскрыта в историческом романе «Я пришёл дать вам волю». Мстите, братья, – призыв Разина. «Сия заповедь вам, да любите друг друга» – это Евангелие (Ио. 15,17). Движущие силы бунта – гордость, вольное отдание себя страстям, господствующим над разумом. Парадоксальность такого состояния: чем больше гордых претензий, тем меньше реальных опор для деятельности. «Живущий вне Бога человек осознаёт себя слабым, полным противоречий, подверженным греху и смерти. Таким же представляется ему и мир, а в то же время он жаждет обожествления для себя и для мира» (отец Александр Ельчанинов).⁷ Дьявольская воля, отчаянная дерзость опустошают душевно и духовно человека, исход для него – гибель, он сам ищет её. Таков Разин у Василия Шукшина.

Пушкин не хотел другой истории, кроме той, которую дал России Бог. Не раз потрясали страну безжалостные и беспощадные бунты. Но наши Разины и Пугачёвы шли не во имя Карла Маркса, они хотели возвести на престол чудом выжившего сына царя. Бунт истощался, жизнь входила в традиционную колею, власть самодержавная

⁵ Протоиерей Александр Ельчанинов, с. 71.

⁶ А.С. Хомяков. Стихотворения и драмы. БП. 1969, с. 134.

⁷ Протоиерей Александр Ельчанинов, с. 134.

ещё более утверждалась, вера Православная спасительно укреплялась. Русский народ не создал учения о социализме и коммунизме, его получили мы с Запада. Революции в Европе расшатывали, разлагали монархии, а из разложившегося материала строили демократии. Не будем спорить, где лучше, но бесспорно: там и там жили в соответствии с духом народа.

Характеры, напоминающие разинский, писатель встречает в современной ему действительности. Обожествивший себя, любящий жить без оглядки на законы Божеские и человеческие, герой рассказа «Охота жить» лишён романтического и героического ореола, предстаёт уголовным преступником, безжалостным и бесчестным. Егор из «Калины красной» искренне раскаивается в грехах своего прошлого, ищет пути к достойной жизни – прошлое мстит ему за измену. Роман «Любавины» – история трёх поколений настоящих кондовых сибиряков. Старшие – суровые, по-своему яркие личности, живущие самостийно по древним преданиям, жестоко мстящие нарушителям устоев. Их потомки обтесаны цивилизацией, то есть войнами мировыми и гражданскими, коллективизацией и индустриализацией... Один из них, приноровившийся ко времени и его заботам, увидел, «как в лучах восходящего солнца занимается ярким огнём заброшенная церквушка... отчего-то защемило сердце... Подумалось вдруг о Боге. И каким-то странным образом: что человек, особенно женщина, лучше Бога...» Любимая им женщина о нём самом судит так: бледная, как бы стёртая личность в сравнении с отцами и дедами. Иронично: он «коммунизм строит». «Это же очень важно – строить коммунизм. Очень серьёзно».⁸

Редкой красоты женщина, встретив Воланда, стала бы ведьмой, как Маргарита, она ищет необыкновенное, а находит заурядных строителей коммунизма. Строить-то они строят, но что могут создать, кроме внешних социальных и политико-государственных недолговечных форм, ежели души их неустроены? Герои Василия Шукшина с неустроенными душами...

Послереволюционная действительность России втискивала людей в однообразный строй, механически движущийся к единой цели, рационально жестоко обозначенной. Уклонения не допускались. Что оставалось личностям, одарённым творческой дерзостью, широким кругозором, богатой фантазией, духовными исканиями? Возможные и жизненно необходимые человеческой природе свободы остались в прошлом.

«Глаголаша убо Иисус... аще вы пребудете во сло-

веси Моем, воистину ученицы Мои будете и уразумеете истину, и истина свободит вы» (Ио. 8, 31-32).

Апостол Павел: «Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Вся искушайте, добрая держите» (Сол.5, 20-21). Живите соборно, без розни. «Комуждо же дается явления духа на пользу». Дарования духа различны, многообразны, но во всех «действует един и тойжде дух» (1 Кор. 12, 7-11).

Не будем «уничжать» святых и пророков, живших на земле в наше время. Их творения ближе к нам. Святой праведный Иоанн Кронштадтский для России желал не политических свобод, а свободу во Христе, которую он имел по благодати.

«О, вера святая! Какими словами, какими песнями я прославлю тебя за бесчисленные блага для души и тела моего, дарованные мне тобой, за все силы, которые ты во мне совершила и совершаешь, за блага мира и отъятие смятения, за блага свободы с отъятием тесноты горькой, за блага света духовного и прогнание тьмы страстей, за благо дерзновения с отъятием малодушия и боязни, за благо духовной власти и духовного величия с отъятием рабства греховного и низости духа, за благо святых с отъятием греховной нечистоты... Слава Тебе Богу, Благодетелю моему во веки веков!»

Завещает России соборность вместо глобализации: «Велики эти слова «...даждь нам едином сердцем и единими усты славити и воспевати пречестное и великолепное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа...» О, если бы так было всегда и не были сердца врозь, не говоря уже с людьми, но и с самим собою!»⁹

Духовное делание святого праведного Иоанна продолжил протоиерей Александр Ельчанинов: слово одного – молитва, другой бедную мысль человеческую возвысил до молитвы. «Суть веры и религиозной жизни не в принудительной очевидности, а в усилении и выборе».¹⁰ «Всё яснее становится мне, что Православие – это стихия абсолютной свободы. Боязнь уставов, правил, боязнь как-то ограничить себя, поставить слово, мысль, декорацию раньше или без факта, отвращение к проповеди, насилию, хотя бы чисто идейному или психическому, боязнь убеждать,

⁸ Василий Шукшин. Любавины. Роман. Москва, «Советский писатель», 1990, с. 348-349, 433.

⁹ Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Издательство Сретенского монастыря. Москва, 2009. с. 585-586, 580.

¹⁰ Протоиерей Александр Ельчанинов. Православие для многих. Издательство «Дар», Москва, с. 80-81. Далее страницы указаны в тексте – в скобках.

вера только в самую наличность религиозной жизни – всё остальное придёт само». (61-62) «Христианство, понятое как великая Красота, – Православие». (60) «В самоотречении – освобождение от рабства греху (без него – плен) и свободное выявление своей истинной сущности в её первоначальном Божьем замысле о нас». (76)

Глубоко осознанная независимость отца Александра от модных философских и религиозных систем: «Относительно религиозности Толстого и Руссо дело обстоит так. Религия дело сложное. Вино, например, состоит из воды, спирта, ароматических и красящих веществ и т.д. Так и религия – в ней есть спирт догматов, ароматические вещества культа и обрядов и нравственные правила – вода. Вот Толстой и Руссо одну эту воду и видели». (251-252) «До чего могут довести ложные идеи! Так погубили свою душу многие революционеры, которые, исходя из правильной (но ограниченной) идеи народного блага, пришли к сатанинской злобе, лжи и человекоубийству. Это ждёт и служителей национальной идеи, пока они её не подчинят идее высшей». (45)

Жить должно соборно: «Святость и познание даются соборностью. Неведение и грех – удел отдельных особей. Лишь в церковном единении – продолжение того и другого. Человек находит в Церкви самого себя, но не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего единения с братьями и Спасителем. Церковь есть живой организм, объединённый взаимной любовью, составляющий абсолютное единство во Христе живых и мёртвых». (105) «Но думаю, что вопрос этот (о соборности в жизни. – **И.Р.**) не разрешим силами индивидуальными и даже церковными. Мир безоружными нам не пройти, это гордыня, мы должны пользоваться орудиями мира сего. Нам надо признать смиренно государственность, внешние методы воздействия на мир. То, что мы потеряли Россию, не только политическая ошибка, но и грех против церкви». (78-79) Вот почему Тютчев думал о Православной Империи.

Увы, высокие откровения великих не господствовали в душах и умах граждан дореволюционной России. Иван Шмелёв написал в эмиграции эти горькие строки: «Дух Живой уходил из жизни, как уходит теперь повсюду. Дух живой уходил от Церкви, она ослабела: правила оболочку, а не душу. Порабощённая властью Церковь не оплодотворяла душу. А она, молодая, ждавшая Жениха своего, вся в порывах на высоту и в дали, искала, разметавшись, ждала... И, не дождавшись Града, метнулась к аду... И ринулась!..»¹¹ Ослеплённая, ошиблась: инстинктивно приняла социализм как форму проти-

востояния Западу для сохранения самобытности.

В двадцатом веке Россия катится – глобализация! – к Западу, усваивая западную – без Бога! – демократию, не задумываясь, совместимы ли демократия и глобализация. «Россию спасёт только чудо, Но вымолим чудо ли мы?» – иеромонах Роман (Матюшин) будит русское самосознание.¹²

У русских поэтов, больших и разных – со времён Пушкина и доныне, есть стихи как бы не в ряду с другими, не на главном направлении творчества. Это стихи об интимном, тайном – покаянные.

Пушкин («Воспоминание»):

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Воспоминание – самооткровение, откровение души для самой себя, для принятия истины. В душевной глубине зреет жажда Преображения.

У Николая Заболоцкого найдём подобное состояние («Это было давно...»):

*Все он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.*

Воспоминание – повод, чтобы собрать воедино волю и разум в сердце и найти в себе образ Божий.

В исстрадавшейся душе Сергея Есенина вспыхивает свет былой веры, вызывая мольбу о прощении («Мне осталась одна забава...»):

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

Николай Тряпкин молится перед Богородицей, даровавшей ему способность видеть свои грехи («Это было в ночи...»):¹³

¹¹ Иван Шмелёв. Душа Родины. Изд. «Паломник». 2001, с. 328.

¹² Иеромонах Роман. Пред всеми душа виновата. Минск, «Белорусский Экзархат». 2006, с. 20.

¹³ Николай Тряпкин. Стихотворения. Москва. Изд. «Художественная литература». 1989, с. 269.

*Проклинаю себя. И все страсти свои не приемлю.
Это я колочусь в заповедные двери Твои:
Ты прости меня, Матушка, освятившая землю,
За неверность мою. За великие кривды мои.*

Елена Пиетилияйнен (из книги «Предошущение»):¹⁴

*Мою душу, Господь, не рви...
Бумерангом вернулись поступки,
Ледяные слова нелюбви,
Несогласия и неуступки.
Эта кара впиивается в плоть
Равнодушьем колючим и гневом.
Это жизни нас учит Господь
На земле –
Пред распахнутым небом...*

Предошущение – состояние души, освобождённой от внешнего – от ощущений, представлений; души, оставшейся наедине с собой изначальной, для беседы с Богом. Поэзия – проблеск небесного разума в реальном земном человеке.

Стихи – жемчужины духовного обаяния, хотя не определяют творческого пути авторов. Редко, но можно найти покаяние за свою прошлую и за всю будущую жизнь. Николай Гумилёв¹⁵:

*Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной.
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.*

*Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;
Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей.
Что так больно сердце томила
Красота твоих дочерей.
Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?
С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.*

Да, жизнь – жестокая красота, горькая радость, страдания, падения на каждом шагу, всем необходима помощь – найдём ли её?

Ручейки покаяния сольются ли в единый поток, внятный Небу?

«Духа не угашайте...» – взывает к нам наше историческое Великое Прошлое.

¹⁴ Елена Пиетилияйнен. Предошущение. Петрозаводск. 2010, с. 21.

¹⁵ Н. Гумилев. Колчан. Стихи. 1916, с. 65-66. Репринтное издание. Москва. Изд. «Книга». 1989.

Иван Константинович РОГОЩЕНКОВ

родился в 1933 году в Смоленской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Несколько десятилетий заведовал отделом критики в журнале «Север».

Автор книг «Воля творить жизнь» (Петрозаводск, 1979 г.),

«Память и надежды» (Москва, 1988 г.).

Член Союза писателей России с 1980 г.

Живет в Петрозаводске.

